

БИНАРНАЯ КУЛЬТУРА И РАЗОРВАННОЕ СОЗНАНИЕ

© Т. В. Казарина

Статья посвящена теме разорванного сознания как интегративной составляющей всего творчества Дмитрия Пригова. Эта особенность авторского мышления возводится к представлениям о бинарности русской культуры как еџ фундаментальном свойстве.

Казарина Татьяна Викторовна
доктор филологических наук
профессор кафедры русской
и зарубежной литературы
Самарский государственный
университет
kazarina_tv@bk.ru

Ключевые слова: концептуализм, разорванное сознание, комическое, патетическое, бинарность культуры.

Период славы Дмитрия Пригова был долгим, его смерть вызвала очередной вал литературоведческих статей. Лучшие собраны в книге «Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов». Многие в ней наверняка польстило бы Пригову: о нем говорят как о «новом Данте»¹, называют «лучшим и талантливейшим поэтом постсоветской эпохи»². Но в эти отзывы, совсем по-приговски, подмешана ирония, ведь цитата из Сталина, конечно же, придаџт хвалебному отклику некую двусмысленность. И, значит, по-прежнему важно разобраться, в чем же на самом деле состоял индивидуальный вклад Пригова в русскую литературу.

Эго удаџтся плохо: мешает фантастический объем написанного Приговым (36 тыс. произведений — абсолютный рекорд!), авторская переменчивость — постоянная смена творческих стратегий и, наконец, «универ-

¹ *Витте Г.* «Чего бы я с чем сравнил...» // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов. М. : НЛЮ, 2010. С. 106.

² *Добренко Е.* Был и остаџтся // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов. С. 10.

сальная конвертируемость» всего в приговском художественном мире: здесь «временные отрезки можно считать в температурных величинах, посещение музеев в ресторанных ценах, национальности — в возрастных показателях»³. Кажется, здесь всё может обернуться чем угодно и ничего устойчивого нет. Именно поэтому понять Пригова — значит определить вектор его художественных усилий, найти нечто постоянное среди многих переменных.

Для решения этой задачи стоит обратить внимание на то, что Пригов всегда сохранял верность однажды найденной литературной маске: его неизменным персонажем был Дмитрий Александрович Пригов — маленький человек с большими претензиями, писатель-графоман, убежденный в своей мессианской роли. И этот жалкий герой, многократно осмеянный и разоблаченный, оставался нужен своему автору, был для Пригова «вечной находкой».

По-видимому, его ценность заключалась в том, что это был структурный коррелят советской (а затем и русской) души. «Многодумное бесознательное»⁴ — назвал это «вещающее нечто» Михаил Эпштейн. Образ Дмитрия Александровича Пригова биполярен, принципиально раздвоен. Один его полюс — эмоциональное «я», восторженно, гневно или удивленно откликающееся на внешние события, другой — «я» рассуждающее: оно пытается дать происходящему истолкование, перевести эмоциональное переживание в рациональную форму. Вариантами той же смысловой оппозиции становятся у Пригова провинциальное/столичное, народное/интеллигентское, органическое/инженерно-техническое, модернистское/постмодернистское, и т. п.

Неизменным остаются то, что во всех этих случаях между полюсами нет единого смыслового пространства. У Дмитрия Александровича Пригова ум с сердцем не в ладу: его главные качества оглушают, нейтрализуют друг друга и сводят к нулю результаты самой бурной активности. В его монологах чувства и рассуждения неизменно сталкиваются катастрофически, лоб в лоб. В лучшем случае это приводит к конфузу. Например:

Урожай повысится,
Больше будет хлеба,
Больше будет времени
Говорить про небо...
Больше будет времени
Говорить про небо —
Урожай понизится,
Меньше будет хлеба⁵.

Здесь эмоции и логика движутся в противоположных направлениях: чувства выстраивают картину утопическую, разум — апокалиптическую.

³ Витте Г. Указ. соч. С. 115.

⁴ Эпштейн М. Лирика сорванного сознания: народное любомудрие у Д. А. Пригова // Неканонический классик... С. 260.

⁵ Пригов Д. А. Написанное с 1975 по 1989. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 163.

При этом они не ищут согласия и компромисса, не корректируют друг друга — они ставят друг друга в тупик.

Разум может напоминать о долге, чувства — отклонять эти требования:

Вот я, предположим, обычный поэт
А тут вот по прихоти русской судьбы
Приходится совестью нации быть
А как ею быть, коли совести нет
Стихи, скажем, есть, а вот совести — нет
Как тут быть⁶

В таком поединке нет победителя: любая из ипостасей образа профанирует другую. Отношения двух «я» напоминают дуэт цирковых клоунов: каждый помогает увидеть смешное в напарнике. Дистанция между ними — пространство комического, где та и другая сторона подсвечивается самым невыигрышным образом, «барахтается» в чужом для нец контексте: чувства в присутствии разума начинают выглядеть глупыми, рассуждения — на фоне эмоций — кажутся сухими и догматическими. А громогласность, патетичность, с которой каждое из двух «я» заявляет о себе, делает их противостояние особенно выразительным.

Конфликт этих начал у Пригова неразрешим, потому что каждая из двух ипостасей героя претендует на монопольное владение истиной. В результате их диалог, точнее, их поочередное звучание, не рождает созвучия — чего-то хотя бы отдаленно похожего на единство. А рождает гротеск — как в стихотворении «Долина Дагестана», где предметом дележа для двух поэтов оказывается... труп:

В полдневный зной в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я
Я! Я лежал — Пригов Дмитрий Александрович!
Кровавая ещд дымилась рана
По капле кровь сочилась — не его! Не его! — моя!

И снилась всем, а если не снилась — то приснится долина Дагестана
Знакомый труп лежит в долине той
Мой труп. А может его. Наш труп!⁷

Здесь Пригов демонстрирует и творческое бессилие своего персонажа (тот ворует тексты у классиков: оспаривает их авторство), и причину этой немощи — внутренний раздрай. Одна «половина души» героя пытается присвоить «труп» из лермонтовских стихов, другая пробует примирить конфликтующие стороны. Формулой компромисса оказывается «наш труп», что является абсурдом в квадрате — приравнением живого к мертвому («мой труп») и двух к одному («наш труп»).

В раннем творчестве Пригова тема разорванного сознания обыгрывалась постоянно, и в его герою читатели привыкли видеть «рупор советскости» — гротесковое отражение шизофреничности советского идеологи-

⁶ Там же. С. 203.

⁷ Цит. по: Кукулин И. Явление русского модерна современному литератору: четыре романа Д. А. Пригова // Неканонический классик... С. 576.

ческого мышления. В приговской интерпретации главным свойством советской культуры становилась ещ неспособность строить отношения с «другим» — «другим» вне себя и внутри себя.

Однако звание пародиста, «пересмешника советского идеологического дискурса», Пригов всегда категорически отвергал. Видимо, потому, что у пародии маленький «радиус действия» — в зону ещ «обстрела» не попадает прежде всего сам пародист. Ведь пародия «высокомерна»: она предполагает оценку некоторого явления с привилегированной точки зрения — внешней по отношению к тому, что оценивается.

Между тем, автор, Дмитрий Пригов, не собирался выводить себя (да и кого бы то ни было) из зоны критики: он называл героя своим именем и тем самым подчеркивал, что признает его «разорванное» мышление своим.

Но положение читателя было другим. Для него текст — объект восприятия, и всц, что в этом тексте присутствует, объектно-отстраненно, локализовано, завершено, то ест наджно заключено в прочные художественные рамки, в то время как сам реципиент — принадлежит миру изменяющемуся, действительности незавершенной. Это мешало читателю принимать сказанное в тексте на свой сцт. Уничтожению этой дистанции Дмитрий Пригов отдал много сил. Можно рассматривать всц его зрелое творчество как череду попыток отнять у читателя преимущество внезапности, поймать и заключить его внутрь текста, лишить его «алиби в художественном бытии».

Как это делалось?

Во-первых, путцм стирания границ между текстом и реальностью. Чаще всего Пригов добивался этого, «оперсонаживая» самого себя — играя во внетекстовом пространстве ту же роль, что и его персонаж в тексте. Поэт охотно появлялся на публике и давал интервью на серьезные темы. Но всегда ошеломлял: разрушал привычные ожидания аудитории. В России 80-х от писателя ждали ели не «пасторского», то «учительского» поведения — готовности просвещать. И уж, конечно, полной вменяемости. В публичном поведении Пригова ничего похожего не было: он то демонстрировал эмоциональную взвинченность, похожую на экзальтированность его героя (такую пугающую, что в 1986 году его поместили в психбольницу); то, подобно своему Дмитрию Александровичу, поражал поклонников мегапроектами: «Я... хотел написать 20 тысяч стихов к 2000 году. Потом понял, что сходство цифр здесь достаточно внешнее. И решил написать двадцать четыре тысячи. Эта идея гораздо красивее: по стихотворению на каждый месяц двух предшествующих тысячелетий и по стихотворению на каждый день моей жизни. Но поскольку “встречный” план был принят довольно поздно, пришлось повысить дневную норму. Для меня стихотворение — то же самое, как каждая тонна угля ест малый вклад в валовое производство при плановой экономике»⁸.

⁸ Пригов Д. А. Судьба поместила меня в удачное время... // Интервью «Московскому комсомольцу». 8 октября. 1995. С. 3.

В подобных случаях аудитория ждала автора, а встречалась с персонажем. Было очевидно, что к лицу Пригова-человека «приросла маска» его героя — передовика-производственника из писательского «цеха». Таким образом текст вторглся в жизнь.

Существовал и другой способ уничтожения взаимной изоляции жизни и текста, противоположный — при котором текст охватывает жизнь, «оцепляет» ещ со всех сторон. Реципиент мог не узнавать себя в «хомо советикусе», но вряд ли он стал бы отрицать свою связь с русской культурой. У Пригова предметом изображения со временем становилась именно она. Советские идеологические клише и приметы коммунального быта из текстов исчезали, на их месте появлялись маркеры «русского», и прежде всего — высоко ценимого русского: имена писателей-классиков, прославленных мыслителей и исторических деятелей.

В результате раздвигаются исторические рамки, и приговский персонаж свободно озирает и далкое прошлое, и сегодняшнее существование своей страны. Это придает герою новый вес. Он больше не чувствует себя приниженным, зависимым от догмы и доксы. Его переполняет уже не энтузиазм служения, а напротив — гордость великоросса, позволяющая встать вровень с титанами любого масштаба. Но мы тут же получаем возможность убедиться, что подобные — и, как кажется, радикальные — перемены никак не повлияли на структуру его мышления. Горизонт сознания героя охватывает всц большее пространство и время, но это всц тот же горизонт.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Ув. Александр Сергеевич!

Большое спасибо за сердечные слова в адрес моей последней работы. Со своей стороны желаю Вам крепкого здоровья, творческих успехов и счастья в личной жизни.

(Д. Пригов)

Ув. Михаил Юрьевич!

Несмотря на Ваши настойчивые просьбы, встретиться с Вами не могу. Позвоните мне на следующей неделе. Со своей стороны желаю Вам крепкого здоровья, творческих успехов и счастья в личной жизни.

(Д. Пригов)

Дорогой товарищ Сталин!

Спасибо за наше счастливое детство! Со своей стороны желаю Вам крепкого здоровья, творческих успехов и счастья в личной жизни.

(Д. Пригов)

Ув. Лев Николаевич!

Вы, конечно, преувеличиваете, называя меня Шекспиром современности. Со своей стороны желаю Вам крепкого здоровья, творческих успехов и счастья в личной жизни.

(Д. Пригов) и т. д.⁹

⁹ Пригов Д. А. Из переписки русских писателей // Новое литературное обозрение, 1993-1994. ц 6. С. 84—86.

Формально переписка с великими — это попытка установить связь, объединить себя с ними и их с собой — таков разумный план. На деле же возомнивший герой создаст очередную иерархию, разделяет и ранжирует своих кумиров.

Заметно и то, как выросли его амбиции, и то, как «хорошо сохранился» он сам. Он по-прежнему подобострастен с теми, кого считает особенно большими начальниками. Но теперь «советское», похоже, сосредоточено только на одном из полюсов бинарной структуры, и оппонирует ему «рыночное» — готовность освоить максимальное культурное пространство, навязав ему себя, свои услуги. При этом каждое из двух «я» приговского персонажа заявляет о себе всё громче. Самовлюбленность становится пугающе аффективной, а рассудочность — всё более технологичной: она организует высказывания в серии, циклы, придаёт активности Дмитрия Александровича Пригова фантастический размах, размыкает ее в бесконечность.

Как видим, на смену образу непродуктивной активности приходит образ всё более активной непродуктивности. Это не одно и то же: неумелость наивного стихоплота могла казаться исправимой, теперь она приобретает характер стихийного бедствия.

Фактически, начиная с 80-х, Пригов включается в давнюю дискуссию о бинарности русской культуры — специфике её устройства, отмеченной ещё Н. Бердяевым.

Как объясняли позже Б. Успенский и Ю. Лотман¹⁰, бинарное мышление — по принципу «или» — «или». Оно очень характерно для русской культуры любой эпохи, начиная со Средневековья, для которого бытие делится на мир греха и мир святости, и промежуточных инстанций нет. Отсюда обязательное для правоверных предсмертное извлечение себя из мира — предсмертный постриг. Середина, то есть ни то ни сё, ни горячее и ни холодное — греховный пласт бытия, большее зло, чем само зло.

Это убеждение с новой остротой было выражено в творчестве Лермонтова, Гоголя, Достоевского — у них полюса, противоположности организовывали весь мир. Сюжет произведения развивался либо как борьба между Добром и Злом в их крайнем выражении, либо более сложно — как путь к Добру через крайнюю степень Зла. Именно поэтому у Гоголя есть замысел возрождения Плюшкина и Чичикова, но Манилову и Ноздреву в возрождении отказано — они заурядны, «средины».

Позиция Пригова оригинальна тем, что он видит в этой бинарности не свидетельство избранности, а источник всех бед русской культуры, не знак её бескомпромиссности и требовательности, а причину катастрофы.

Любой приговский текст обнаруживает какое-то из её проявлений.

Дихотомичность мышления — причина русской заносчивости: не видя

целого, обладая лишь частичной правотой, русский человек готов считать себя обладателем высшей истины только потому, что всё остальное выпадает из зоны его видения.

Но отсюда же и страшная уязвимость русского человека, комплекс вины и жертвы: в любой момент он занимает некую крайнюю позицию и в глубине души догадывается, что его правда неполна, она может быть оспорена и со стороны разума — как непродуманная, и со стороны чувств — как неискренняя.

Одно из поздних эссе Пригова, «Сам знаю», позволяет убедиться, что в глазах автора это черта отнюдь не врожденная: она формируется культурой — русской или ей родственной.

«Недавно случился у меня серьезный разговор с моим малолетним внуком. Ну, совсем малолетним. Нахмурившись и сурово сдвинув брови, он заявил:

— Не трогай меня.

— Почему же это?

— Меня Бог сделал.

— И меня тоже сделал Бог, — предпринял я слабую попытку сопротивления, не понимая, куда клонится разговор.

— Он тебя не так сделал.

— Как это не так?

— Сам знаешь.

Я замер. Господи! Как же нелицеприятен этот мир! Как суров, неоспариваем и неумолим! И справедлив, конечно! Справедлив. На этот раз явив себя устами младенца. Действительно, всяк сам знает, как он тотально неправ.

Совсем недавно один из молодых спокойных людей, приверженец некоего радикального движения, тоже отметил, что я сделан не так, как надо бы. И я, справедливо утверждал он, знаю это сам и давно. И я, естественно, действительно знал это и давно. Еще со времен моих посещений КГБ, где на вопрос, в чем же заключается моя антисоветская деятельность, утомленно улыбаясь, отвечали: «Ну, Дмитрий Александрович, Вы сами все отлично понимаете»...

Хорошо, когда объясняют вот так доходчиво, кратко и сразу. Иначе это занимает значительное время, а результат тот же самый.

И Пригов рассказывает, со слов Резо Габриадзе, как тот однажды гостил в доме богатого хлебосольного немца. «Ранненьким утром Резо, не выпавшийся, с тяжелой головой от вчерашнего приятия разнообразных напитков, спускается с верхнего этажа в нижнюю гостиную. И что же он видит? Хозяин выбритый, вымытый, одетый во что-то невообразимо чистое и благоухающее, стоит перед попитром и самозабвенно играет на скрипочке нечто высоко классическое.

И овладела нашим Резо несправедливая зависть. Вот ведь, с детства он мечтал научиться играть на каком-нибудь инструменте, жить в большом и тихом доме, и вообще... На дальнейшем пути, сидя обок с удачливым хозяином, Резо все мучился, как бы его уесть. И вот он начинает издали:

— А Вы знаете, что армяне считают Баха армянином? — Никакой реакции. — Понимаете, они говорят, что Бах не немец, а армянин? — Опять молчание. — Нет, Вы, наверное, не понимаете, — уже заводится и даже повышает голос благодушный в общем-то грузинский классик. —

¹⁰ См., напр.: Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Избранные труды. Т. 1 / Б. А. Успенский. М.: Гнозис, 1994. С. 117—152.

Армяне утверждают, что Бах вовсе не немец, а чистый армянин! — и выжидающе смотрит на немца.

— Это их проблемы, — невозмутимо отвечает тот.

Вот так. То же самое «Сам знаешь!», но только в более длительном драматургическом оформлении»¹¹.

Привычка принимать часть за целое заставляет человека русской (или похожей на нее) культуры видеть в одном факте или суждении манифестацию конечной истины. Покушение на авторитет немецкого гения для него — вызов всей нации. Для человека другой (в данном случае немецкой) культуры ничто отдельное мнение не совпадает с истиной, не заслоняет картины в целом — картины мира, в которой сосуществуют самые разные точки зрения и ни одна не является привилегированной.

Похуже, Пригов стремился к универсализации найденного противоречия, и иногда полуса бинарной структуры становятся у него уже не границами личности, а бытийными абсолютами. Например, пьеса «Место Бога»¹² — об искушении Праведника нечистой силой, Чдргом. Драматургическая форма позволяет персонифицировать каждую из двух сил, прежде боровшихся в душе одного героя. Праведник не наделен индивидуальными чертами — это чистое и беспримесное воплощение веры (то есть эмоционального начала — любви к Богу). Чдрт, чтобы отвратить его от Бога, применяет сложную казуистику — говорит на языке *разума*. Праведник одинок — Чдрт называет себя именем Легион, и действительно, на его стороне многие: он находит поддержку сидящей в зале публики, а если теряется, ему на помощь приходит сам Сатана. У Чдрта есть Сатана — у Праведника только вера в Бога, самого Бога в пьесе нет. Более того: слово — главное оружие Бога — используется против Божьего слуги. Д. Пригов дает возможность убедиться в «беспринципности дискурса». Сатана пользуется гуманистической аргументацией — взывает к чувству сострадания: «Одумайся, Отшельник! Не губи своей души! Не отравляй ядом равнодушия подрастающее поколение! Не совращай малых сих!»¹³. Показательно, что перед нами «русский чдрт» — он цитирует отечественных классиков. Например: «Знаешь, мне иногда кажется, что красота когда-нибудь спасет мир. Да не мне одному это кажется. У нас многим так кажется»¹⁴.

Почти вся пьеса — это непрерывный монолог посланцев ада, и перевес на их стороне, пока Чдрт случайно не проговаривается, что допущен в мир ненадолго — вообще-то это «место Бога». С криком «Это место Бога!» Праведник отгоняет врага, заставляет его окончательно ретироваться. Поединок выпрывает Праведник, то есть вера в Бога, но не Бог. Слова «это место Бога» свидетельствуют не о его существовании/присутствии, а лишь о том, что мир в ндм нуждается: «место Бога», скорее, означает «место для Бога», «место, где должен быть Бог».

¹¹ Пригов Д. А. Сам знаю. [эл. ресурс]. URL: http://www.liternet/=/Sid/conversations/sid_soob2004-01_prigov.html (дата обращения: 01.10.2008).

¹² Пригов Д. А. Место Бога. Пьеса // Ковчег. 1979. ц 4. С. 46—55.

¹³ Там же. С. 48.

¹⁴ Там же. С. 49.

Это итоговая фраза, финальный аккорд, вывод, к которому ведут все смысловые линии. И если Бог манифестирует единство бытия, то эта пьеса о том, насколько такое единство необходимо миру, ведь даже не доказанное, только чаемое — оно уже сокрушительно для сил зла. Речь, конечно, не о согласии между Богом и Сатаной, а о том, что их вечное противостояние может быть продуктивно, только если спор ведется на одном языке, а противники находятся в одной плоскости бытия.

Очевидно, важнейшую заслугу Пригова стоит видеть в том, что он преодолел локальность мышления современников и выявил некие константные для русской культуры (и роковые для нее) особенности мышления и поведения — те, что мало зависят от социальных перемен и передаются по наследству от эпохи к эпохе. Главная из них — доходящая до градуса шизофрении поляризованность сознания, которая сохраняется и будет сохраняться, пока остане предметом национальной гордости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Vitte, G.* «Чего бы я с чем сравнил...» // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов. — М.: НЛО, 2010. — С. 106—122.
2. *Добренко, Е.* Был и остане // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов. — М.: НЛО, 2010. — С. 10—14.
3. *Кукулин, И.* Явление русского модерна современному литератору: четыре романа Д. А. Пригова // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов. — М.: НЛО, 2010. — С. 566—611.
4. *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Избранные труды. Т. 1 / Б. А. Успенский. — М.: Гнозис, 1994.
5. *Пригов, Д. А.* Из переписки русских писателей // Новое литературное обозрение. — 1993-1994. — ц 6.
6. *Пригов, Д. А.* Место Бога. Пьеса // Ковчег. — 1979. — № 4
7. *Пригов, Д. А.* Написанное с 1975 по 1989. — М.: Новое литературное обозрение, 1997.
8. *Пригов, Д. А.* Сам знаю. URL: http://www.liternet/=/Sid/conversations/sid_soob2004-01_prigov.html (дата обращения: 01.10.2008).
9. *Пригов, Д. А.* «Судьба поместила меня в удачное время...» // Интервью «Московскому комсомольцу». — 8 октября. — 1995.
10. *Этштейн, М.* Лирика сорванного сознания: народное лобомудрие у Д. А. Пригова // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов. — М.: НЛО, 2010. — С. 252—262.